

ХЛЕБ ИСКУССТВА

НАЧАЛО НА 3-й СТР.

маленьку женщину Грановской с ее «простонародным лицом», с ее «простонародной душой», «в полном зените достигнутой чловечности».

Трудно не заметить сходства маленьких женщин Грановской с маленькими женщиными Беранже. Сходство не ограничивается национальными чертами (артистка чаще всего играла в французских пьесах). Их родили простонародность и честность, легкомысленность и наивность. Их сближала любовь, ради которой они шли на все.

Героини артистки с годами взрослели, остеинялись, старели, подобно тому как сто лет назад взрослели, остеинялись, старели героини Беранже. Промежуток в сто лет не вносил принципиальных отличий: менялись приметы времени и быта, варьировались черты характера; любовные заботы оставались теми же. Это был все тот же хлеб искусства, смоченный в вине.

Но настали другие времена. На советской сцене появились новые героини — Виринея, Любовь Яровая, Комиссар. И репертуар Е. М. Грановской постепенно менялся. Она сыграла Катерину в «Укрощении строптивой». Потом появились ее «Мадам Сан-Жен» Сарду и Королева из скрибовского «Стакана воды». Королеву Грановская сыграла трижды, в трех различных спектаклях, каждый раз видоизменяя ее характер. Эти роли принесли артистке «вторую» славу.

Перед войной Грановская сыграла Рапенскую. Обращение к Чехову оказалось у нее широким и вышло за пределы театра. Артистка начала большую работу на концертной эстраде, играя Чехова, Мопассана, Лескова. Чехов открыл ей поприще, на котором обнаруживал новые грани таланта артистки, новые черты приобретали образы ее женщин.

Много работала Грановская и в годы войны. Она сыграла Харитонову в «Русских людях», Марию Львовну Полежаеву в «Беспокойной старости», Юлию Антонову в «Офицере флота». После войны в спектакле «Враги» она вывела на сцену Полину Бардину. А еще позднее с блеском сыграла госпожу Марэ.

Это было в 1956 году. Приближалось восемидесятилетие артистки. Она давно могла бы пользоваться благами спокойной старости. Но судьба подала ей подарок. Большой драматический театр имени Горького, в котором она работала, решил поставить пьесу Альфреда Жери «Шестой этаж». И роль хозяйки меблированных комнат госпожи Марэ предложили Грановской.

Госпожа Марэ оказалась ворчливой, острой на язык, но в сущности добной женщиной. Артистка узнавала в ней знакомые черты. Да, да, то явилась на спектакль состарившаяся героиня пьес ее юности, разумеется, остеинявшаяся, ставшая солидной хозяйствкой доходного дома. И только грубоватая манера выражалась, и решительный прав напоминали о молодости

госпожи Марэ, которая совпадала с молодостью Грановской. То были дни, когда госпожа Марэ, возможно, беззаботно пела куплеты в захудалом парижском кабачке, работала белышкой или служила в модном магазине. То были дни, когда этих певиц, белошвейок, модисток играла молодая комедийная артистка Елена Грановская. Теперь состарились обе: и артистка, и ее маленькая женщина. И встретились в спектакле «Шестой этаж», не растеряв свежести чувств, не утратив живого характера и честного сердца.

...Но еще перед этим событием Грановская встретилась с Беранже. Произошла встреча двух художников, разделенных столетием, но существовавших один для другого.

Не знало, что испытала Елена Маврикевична, впервые прочитав песни Беранже в связи с идеей исполнять их на эстраде. Но трудно поверить в свидетельство самой артистки — оно поразило меня своей неожиданностью.

Летом 1967 года я часто приезжал к Елене Маврикевичне в Дом ветеранов сцены, где она поселилась в начале того года. Я убедился, что она совершенно свободна от известного театрального самолюбия, без которого трудно себе представить актера. А услышав, что я пишу о ней, искренне и как-то устало удивилась:

— Зачем обо мне писать? Не надо. Об актерах надо писать, пока они действуют. А моя актерская жизнь кончилась. Даже память изменяет. Когда-то я помнила все свои роли за многие годы, ничего не забывала, а ролей-то были сотни! А теперь и «Бабушку» вряд ли прошла бы до конца... Я любила театр больше всего на свете. Мне некогда было думать о чем-нибудь другом. Я всегда играла. Я играла спектакль в день смерти моей матери. Играла в день похорон мужа. В цветах, преподнесенных мне в тот вечер, оказалась записка без подписи: «Не печальтесь, мы все Вас любим». Я не тщеславна. Никогда не любила рассказывать о себе...

А когда я рассказал Елене Маврикевичне, что хочу написать о ее исполнении именно песен Беранже — ведь сама же она упомянула «Бабушку» как нечто особенно ей близкое, само собой разумеющееся, — Грановская удивилась еще больше:

— Почему Беранже? Ведь это же я шалила!..

Людям, любящим и хоть немного знающим театр, не нужно объяснять, что актеры да и вообще художники не всегда умеют правильно оценивать свое собственное творчество. Так, видимо, происходило в какой-то степени и с Грановской. Она вспоминала свою Зазу, свою Колетту, Маргарет Каваллини, считая, кажется, значительной лишь свою «первую» славу. И не подозревала, что снова встретилась с ними через сорок лет в песнях Беранже.

Произошло нечто такое, чему трудно подыскать название: то ли творческое чудо, то ли по-

этническое совпадение. Может быть, и то, и другое вместе. Во всяком случае герони Беранже, те, кого выбрала Грановская, вобрала в себя и черты любимой поэтом веселой и ветреной Лизы, и любимых артисткой веселых и ветреных Заза. Возник собирательный образ, исполненный высокой человечности, чистоты и правды.

Такова, например, «Слепая мать». Это — состарившаяся Лиза:

Я, небось, сварлива,
Эх! И я была
Смолоду красива;
Все сама прошла...

Слепая мать не видит, но угадывает, что дочь, бросив работу, флиртует. Для рефера «Лиза, ты не шьешь!» Грановская каждый раз находит другую интонацию. Здесь и ворчливый упрек, и тревожное удивление, и угроза, и отчаяние.

То же богатство интонационной окраски, в отсутствии которой упрек артистку критик много лет назад, рассказывает Грановская в песне «Барышни» («Воспитание барышень»). Песня эта написана от лица девочки, которой скучны школьные наставления «о труде да об честности», у которой театры, балы, маскарады на уме. Грановская же исполняет песню с позиции все той же матери. И снова каждый раз по-разному звучит рефрен:

Вот они, вот неземные
создания!

Барышни — тра-ла-ла-ла!
Сначала она любовно ворчит,
в глубине души восхищаясь
резвостью юных проказниц. По-
степенно дело принимает все
более серьезный оборот:

Басня скандальная ходит
по городу —

Тут уж не будет добра!
И материнский рефрен станов-
ится драматичнее. От любов-
ного ворчания до гневного сето-
вания — таков путь развития
этой краски.

Песня «Роза» («Розетта») —
монолог мужчины. Но в устах Елены Маврикевичне и она стан-
овится женским воспоминани-
ем о прошлом, о счастливых
днях юности, к которым равно
обращает затуманенный взгляд
и старый поэт, и старая арти-
стка:

Дядя мое, ведь надо мною
Лежат, как туча, сорок лет...
Эта же тема звучит у Гра-
новской в ее страстном исполн-
ении песни «Чердак». Здесь
все, каждая строка, каждое сло-
во ассоциируются с чувствами
самой артистки, с ее прошлым,
с ее судьбой, с ее отношением
к творчеству. Да, Грановская
никогда не писала мемуаров.
Но последний куплет этой песни
стал для нее исповедью,
внутренним монологом, обра-
щенным к юности:

Я променял бы дней моих
остаток

За час один на этом
чертаке...

Слова произносятся с таким
чувством, что возникает бодрая,
жизненная философия: сча-
стье — в полноте сил и в твор-
честве, а не в равновесии пре-
успевающего. И невольно вспо-
минаешь о хлебе, смоченном в
вине, который кружит голову.

Мечтать о славе, радости,
надежде,
Всю жизнь вместить в один
шальную куплет,
Любить, пытать и быть
таким, как прежде!
На чердаке прекрасно
в двадцать лет!

Надо слышать, с каким упо-
нием, с какой окрыленностью
произносит Грановская эти стро-
ки — они звучат как обещание
счастья! — чтобы понять, что
«шальность» артистки стала огромной вехой ее творческой
жизни.

Лирическим воспоминанием о
бурной молодости звучит «Ры-
жая Жанна». Грустно-шутли-
вым — «Карты или предсказа-
ние». Апофеозом же этой темы
становятся у артистки две песни — «Старушка» и «Бабушка». Они, собственно, не только по-
священы одной теме, но и по-
строены на совпадающих сюже-
тах. Во втором куплете «Стару-
шки» есть почти полное тексто-
вое совпадение со строками
«Бабушки»:

А юноши по шелковым
сединам
Найдут следы минувшей
красоты
И робко спросят: «Бабушка,
скажи нам,

Кто был твой друг?
О ком так плачешь ты?»

Разница в том, что «Старушка» задумана поэтом в элегичес-
ком ключе, а «Бабушка» — в
шуточно-игровом.

Удивительное дело. Исполняя
песни Беранже, Грановская, са-
ма, наверное, того не подозрева-
ющая, поднимает в них не толь-
ко лирическую, но и социаль-
ную тему.

Творчество Беранже глубоко
социально, гражданственно —
не только патриотическими чув-
ствами поэта, его политически-
ми симпатиями, его любовью к
Франции и ненавистью к ее
врагам. Оно гражданственно и
самой судьбой его песен. Тем, что
Беранже не только видел
взятие Бастилии, но и сидел в
заменившей ее Сен-Палежи.

В 1811 году королевский суд
в Париже затягивал против Беран-
же первое уголовное дело. На
скамье подсудимых рядом со
своим создателем оказались
пятнадцать его песен, в их числе
и «Бабушка», которая станет
коронным номером Грановской.
Тогда прокурор заявил:

— По традиции песни у нас
все прощаются. Но государст-
венные деятели давно уже с не-
доверием относятся к тем, кто
распевает песни. Почему?.. Под-
верглось осмеянию все то, че-
му мы поклонялись, что было
свято для нас...

Песню Беранже судили дважды
при жизни поэта и много-
кратно — после его смерти. В
России был брошен в тюрьму
лучший драматический пере-
водчик Беранже — поэт Василий
Курочкин. Песни скандалились на
кострах в Испании, подверга-
лись полицейскому преследова-
нию в Пруссии, становились
объектом ссыска в Греции.

Елена Маврикевична Гранов-
ская исполняла песни, в которых
как будто ни слова не го-
ворилось о родине, о долге
гражданина, о чести, не содер-
жится ни слова в защиту лич-
ных человеческих свобод. И все-
таки, когда сегодня слушаешь
в записи Грановскую, возникает
впечатление, что все ее пожи-
лые матери, бабушки, бывшие
швеи и прачки сошли с барри-
кад Французской революции и
в случае необходимости взошли
бы на них снова.

Юрий АЛЯНСКИЙ